

TOMAC
MAHH
1875-1955

История создания «Волшебной горы»

1912 – приезд к жене в Давос

«Королевское высочество», «Признания авантюриста Феликса Круля», «Размышления аполитичного», «Смерть в Венеции» и т.д.

«ВГ» – «юмористическая параллель» к «Смерти в Венеции»

1914 – Первая мировая война – финал романа

«Гете и Толстой» и т.д.

1924 – издание «Волшебной горы»

Нобелевская премия 1929 за «Будденброков» (1901)

Мне было ясно: каких-нибудь десять лет назад эти два тома нельзя было написать, они не нашли бы читателей. Нужны были события, которые автор пережил вместе со своим народом, события, которым он должен был дать отстояться и созреть для искусства. Проблемы, затронутые в «Волшебной горе», по самой своей природе не были актуальны для широких масс, но для массы образованных людей они имели жгучую остроту, а всеобщие бедствия подвергли восприимчивость широкой публики той самой алхимической «активизации», к которой, собственно говоря и сводится суть всех приключений, происшедших с Гансом Касторпом. Немецкий читатель, несомненно, узнал себя в простом, но «плутоватом» герое романа; он мог следовать и охотно следовал ему.

Ганс Касторп – герой своего времени – и его эпоха

Перед человеком могут стоять самые разнообразные задачи, цели, надежды и перспективы, и он черпает в них импульсы для более высоких трудов и усилий; но если, несмотря на всю внешнюю подвижность своей эпохи, он прозревает в самом существе ее отсутствие всяких надежд и перспектив, если ему открывается ее безнадежность, безвыходность, беспомощность, если на все поставленные вопросы о высшем, сверхличном и безусловном смысле трудов и усилий эта эпоха отвечает глухим молчанием, то у наиболее честных представителей человеческого рода оно неизбежно вызывает подавленность, влияет не только на душевно-нравственный мир личности, но и каким-то образом на ее физический состав. Если эпоха не дает ответов на вопросы «зачем», то необходимы либо моральное одиночество и непосредственность, либо мощная жизненная сила. Ни того, ни другого у Ганса Касторпа не было, вот почему его следовало назвать посредственностью ничуть не в обидном смысле этого слова.

Сытая Европа – рантье

— Средства у тебя небольшие, — говаривал не раз дядя Тинапель. — То, что принадлежит тебе, помещено прочно и приносит тебе устойчивый доход. Но существовать на проценты в наше время — дело нелегкое, если не иметь по крайней мере в пять раз больше, чем ты; а чтобы здесь, в городе, играть известную роль и жить, как ты привык, нужно еще прилично зарабатывать.

Ганс особым ножом и вилочкой искусно извлекал розовое мясо из клешни омара. Окончив трапезу, он испытывал потребность ополоснуть пальцы в мисочке с душистой водой, затем в русской папиросе, купленной с рук в порядке безобидной контрабанды. За папиросой следовала сигара весьма приятной бременской марки «Мария Манчини», чей ядовито-пряный вкус действовал так успокоительно, смешиваясь с вкусом кофе. Желая уберечь свои запасы табачных изделий от вредного воздействия парового отопления, Ганс Касторп хранил их в погребе, куда спускался каждое утро, чтобы положить в портсигар дневную порцию курева. И он бы с явным неудовольствием стал есть масло, поданное куском, а не в виде рифленых шариков.

Инициация – Тангейзер – Вагнер

Оказавшись наглухо изолированным в лихорадочной атмосфере Волшебной горы, это несложное по составу вещество претерпевает активизацию, и теперь Ганс Касторп способен на моральные, духовные и чувственные похождения, какие ему и во сне не снились в том, другом мире, который обитатели Волшебной горы с неизменной иронией называют «равниной».

Усвоенные им уроки сводятся к тому, что всякое здоровье в высоком смысле этого слова должно сначала пройти школу глубокого познания болезни и смерти, точно так же, как познание греха является предварительным условием спасения души. «К жизни, — говорит в одном месте Ганс Касторп мадам Шоша, есть два пути: один из них — путь обычный, прямой и честный. Другой — недобрый, он ведет через смерть, и это — путь гения». Это понимание болезни и смерти как необходимого этапа на пути к мудрости, здоровью и жизни делают «Волшебную гору» романом о посвящении в таинства (initiation story).

Сюжет романа

Инициационная схема – «несложное по составу вещество» – обучение – «испытание» – выход в новую «взрослую» жизнь.

Схема не только для Ганса, но и для всей Европы.

Стабильность в начале (купель, дед и его портрет), 100 страниц на описание 1 дня и флуктуация в финале романа:

- Самоубийства Пеперкорна и Нафты,
- «Разлад» Сеттембрини,
- «Демон тупоумия»,
- Спиритические сеансы,
- Юдофобия,
- Споры о чести и бесчестии,
- Идеологическое брожение накануне ПМВ «там на равнине».

«Музыкальность» «Волшебной горы» - Вагнер - ЛЕЙТМОТИВЫ

Что же мне сказать о самой книге и о том, как ее надо читать? Ее следует прочесть дважды. Она носит характер композиции, поэтому во второй раз читатель поймет роман глубже, а следовательно, получит больше удовольствия, ведь и музыкой можно наслаждаться по-настоящему лишь тогда, когда знаешь ее заранее.

Я не случайно употребил слово «композиция», закрепленное, как правило, за музыкой. Роман всегда был для меня симфонией, произведением, основанным на технике контрапункта, сплетением тем, в котором идеи играют роль музыкальных мотивов. Я считаю себя последователем Вагнера в использовании лейтмотива, который я перенес в искусство повествования в духе музыкальной символики. Понять до конца этот комплекс взаимосвязанных по законам музыки идей и по-настоящему оценить его можно лишь тогда, когда тематика романа уже знакома читателю.

Лейтмотивы

Вагнер

Мани

- Мария Манчини Ганса,
- карандаш Пшибыслава Хиппе,
- азиатские раскосые глаза Клавдии
- хлопанье дверью столовой Клавдии

Нойшванштайн

**Новый
лебединый
камень (утес)**

17433. P. Z. - SCHLOSS NEUSCHWANSTEIN, SPEISEZIMMER

17434. P. Z. - SCHLOSS NEUSCHWANSTEIN, GROSSSAAL

Горный санаторий – модель современного мира

Интернационализм «Берггофа»:

- немцы кузены,
- русская Клавдия Шоша,
- итальянец Сеттембрини,
- еврей Нафта,
- голландец мингер Пепперкорн,
- мексиканка «tous les deux»

Горный санаторий – модель вечного мира

Мир в состоянии неопределенности – тотальная
относительность

Результат пребывания в Берггофе – кристаллизация состояния
здоровья: + или –

Минос и Радамант – судьи в Аиде

Он, согрешенья различая строго,
Обитель Ада назначает ей,
Хвост обвивая столько раз вокруг тела,
На сколько ей спуститься ступеней.

Горный санаторий – модель мира

- «Земная» жизнь - Горный санаторий: Небо – вечность

Время в романе

- парадоксальность рутины и разнообразия,
- субъективность восприятия,
- единицы измерения времени в санатории,
- начало зимы летом, начало лета зимой.
- Ускорение к финалу.

«Учителя» Ганса Касторпа:

◦Иоахим Цимсен

При виде этой телесной формы, некогда принадлежавшей Иоахиму, фрау Штёр с упоением разрыдалась. — Герой! Просто герой! — крикнула она несколько раз и потребовала, чтобы на его похоронах играли «Эротику» Бетховена (шуточка Т. Манна)

◦Дядя Джеймс

«Учителя» Ганса Касторпа: Сеттембрини и Нафта

Каждый из них представляет собой большее, чем он кажется на первый взгляд: все они — гонцы и посланцы, представляющие духовные сферы, принципы и миры. Надеюсь, что от этого они не превратились в ходячие аллегории.

Сеттембрини — сын революционера, масон, гуманист: развитие человечества идет по пути прогресса к торжеству разума

Нафта — иезуит: человечество деградирует и идет к самоуничтожению. «Великие» идеи ведут к кровопролитиям и торжеству смерти.

Кажимость их противоречий

Нафта: «Сотворенное бессмертным, тело, вследствие грехопадения, утратило свое совершенство, сделалось смертным и тленным, темницей и застенком души, способным пробуждать лишь чувство стыда и смятения, как сказал *святой Игнатий*.

— Эти же чувства, — воскликнул **Ганс Касторп**, — выразил, как известно, и *гуманист Плотин*.

Но господин **Сеттембрини**, вскинув руку над головой, предложил ему не вносить путаницы, а лучше ограничиться восприятием излагаемого».

«Форма!» — говорил Сеттембрини, а Нафта отвечал: «Логос!» Тот, который знать ничего не хотел о логосе, возглашал: «Разум!» — поборник логоса ратовал за «страсть». Это сбивало с толку. «Объект!» — кричал один. «Субъект!» — восклицал другой. Под конец один заговорил об «искусстве», а другой о «критике». Но никакой стройной и ясной концепции не получалось, пусть даже не одной, а двух противоположных и враждующих; ибо все говорилось не только в пику противнику, но и невпопад, и оппоненты не только противоречили друг другу, но и самим себе...

«Учителя» Ганса Касторпа: мингер Пеперкорн

Телесное начало вместо духовного, как у Сеттембрини и Нафты

«Ганс неожиданно обнаружил, что Пеперкорн отчаянно пьян. Но даже опьянение не казалось в нем чем-то низменным и постыдным, но придавало его величественному облику что-то грандиозное. Да ведь сам Вакх, думал Касторп, будучи пьян, опирался на своих восторженных последователей, не теряя при этом ни капли своей божественности, ведь все дело в том, кто пьян, крупная индивидуальность или ничтожество».

Мингер Пеперкорн

- Царственный облик – лейтмотивные эпитеты,
- Архетип царя-жреца (Фрэзер «Золотая ветвь»),
- Орудие самоубийства.

«Мужчину опьяняет желание, женщина требует, чтобы его желание опьяняло ее... Отсюда наши религиозные обязанности по отношению к чувству. Наше чувство — это та сила, которая пробуждает жизнь. Бог создал человека, чтобы через него любить. Человек всего лишь орган, через который бог сочетается браком с пробудившейся жизнью. Если человек оказывается неспособным на чувство, это поражение мужской силы божества, это космическая катастрофа, невыразимый ужас...»

«Подводный» сюжет романа

Главы «Изыскания» – «Хоровод мертвецов»

Сюжет

- «Изыскания» – что такое жизнь с точки зрения Ганса Касторпа
- «Хоровод мертвецов» – визиты вежливости кузенов к морибундусам

Подводный сюжет

- «И»: От неживой материи к живой
- «ХМ»: от живой материи – к небытию: загородное кладбище и потенциальная могила Карен Карстед

Конец XV в. Пляска смерти. Бернт Нотке. Мариенкирхе, Любек (разрушена, воспроизведена копия).
1 фрагмент (слева направо, по иерархии сословий - первый Римский Папа).

Живопись

Г. Гольбейн

Музыка

Ф. Лист

К. Сен-Санс

М. Мусоргский

Д. Шостакович

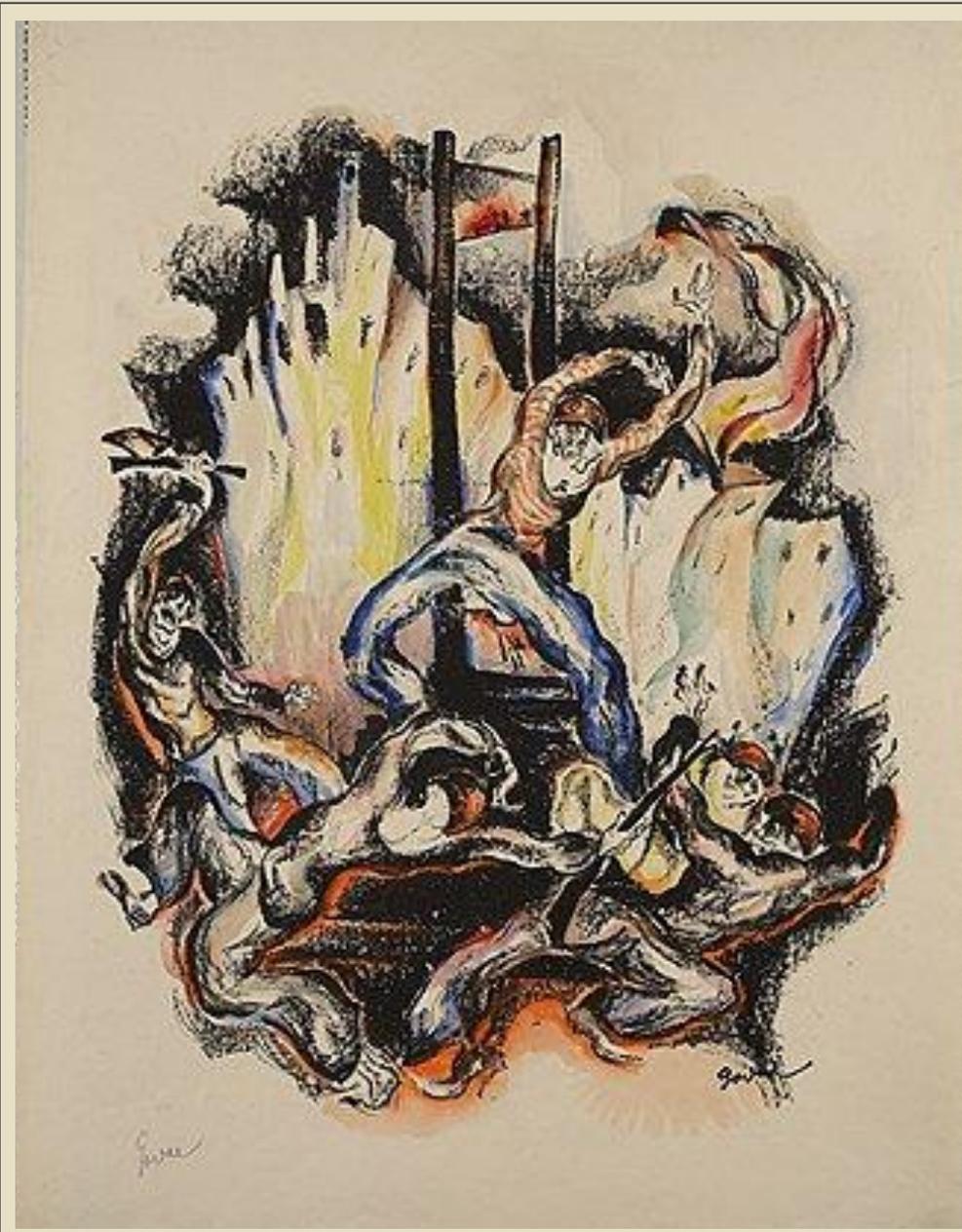
Литература

А. Блок «Пляски
смерти»

Кино

И. Бергман

«Седьмая печать»

Немецкий
экспрессионизм:
Эрих Годал
серия офортов
«Революция» (1920)

Мариенкирхе в Любеке

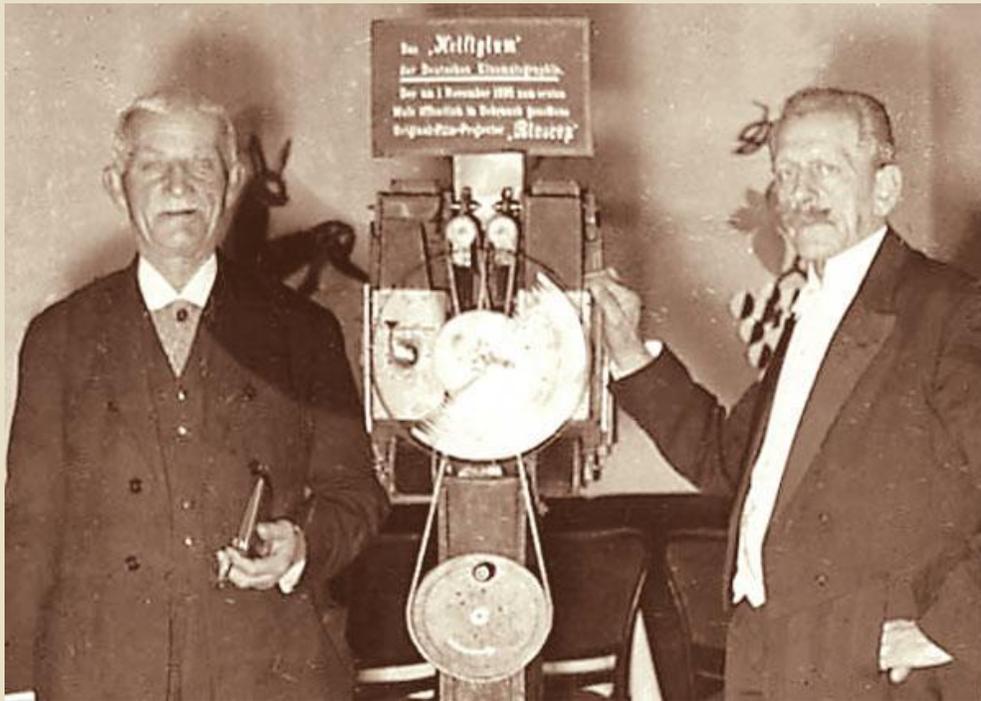

«В этой обители последнего упокоения, в тесноте надгробий, они увидели местечко длиной как раз с человеческое тело, между двумя могилами, и невольно все трое приостановились перед ним и читали горестные надписи на камнях: Ганс – в непринужденной позе, скрестив руки на груди; молодой Цимсен – строго выпрямившись, причем оба с двух сторон одновременно заглянули тайком в лицо Карен Карстед. Но она все-таки заметила их взгляды и продолжала стоять, скромно и смущенно, потом улыбнулась напряженной улыбкой и быстро заморгала».

Ирреальная атмосфера – «Вальпургиева ночь»

- Карнавал и карнавальная свобода – «пустое ВЫ сердечным ТЫ», бравирование смертью (ср. с обычной жизнью в санатории)
- Биоскоп (01.11.1895) «живые» люди – тени на экране, неподвижные подвижны.

«25 мая (1903 года) на сцене театра демонстрируется "Американский биоскоп". Картинки представляют собой крайне любопытное зрелище. Иллюзия до того сильная, что трудно отрешиться от подозрения, что за прозрачным экраном находятся живые люди. Многие из картин скомбинированы чрезвычайно эффектно и остроумно, вызывают в публике неподдельный восторг. Жаль только, что все картины сопровождаются сильным мельтешением, отчего глаза утомляются, и трудно бывает разобратся в картинах при той быстроте, с которой они сменяют друг друга». *Газета «Родной край» (Херсон).*

Ирреальная атмосфера – «Вальпургиева ночь»

◦ «Пляски смерти» - карнавальные костюмы: «Синий Генрих», «Немая сестра»

◦ Музыкальное начало – французский язык

«Что вы хотите, и в *maison de santé* иной раз бывают балы для безумцев и дураков, я читал... Почему же не может быть здесь? В программу входят всевозможные *danses macabres*, как вы, конечно, себе представляете. К сожалению, некоторая часть прошлогодних участников не сможет явиться — в девять тридцать праздник уже закончится...» – «шуточка» Сеттембрини.

◦ Французский язык для русской Клавдии и немца Касторпа

bourgeoise en comparaison de notre besoin d'ordre — c'est ça! ¹

— Tiens! C'est amusant. C'est ton cousin à qui tu penses en disant des choses étranges comme ça? ²

— Нет, c'est vraiment une bonne âme, простая натура, в ней не таится никаких угроз, tu sais. Mais il n'est pas bourgeois, il est militaire ³.

— Никаких угроз? — с усилием повторила она. — Tu veux dire: une nature tout à fait ferme, sûre d'elle-même? Mais il est sérieusement malade, ton pauvre cousin ⁴.

— Кто это говорит?

— Здесь решительно всё знают друг о друге.

— Тебе это сказал гофрат Беренс?

— Peut-être en me faisant voir ses tableaux ⁵.

— C'est-à-dire: en faisant ton portrait? ⁶

— Pourquoi pas. Tu l'as trouvé réussi, mon portrait? ⁷

— Mais oui, extrêmement. Behrens a très exactement rendu ta peau, oh vraiment très fidèlement. J'aimerais beaucoup être portraitiste, moi aussi, pour avoir l'occasion d'étudier ta peau comme lui ⁸.

— Parlez allemand, s'il vous plaît! ⁹

¹ Я скажу тебе по-французски, какие у меня по этому поводу возникли мысли. То, что вся Европа называет свободой, это, может быть, нечто столь же педантичное, столь же буржуазное, если сравнить с нашей потребностью в порядке — вот именно!

² — Вот как! Занятно! Ты имеешь в виду своего кузена, когда говоришь такие странные вещи?

³ — Нет, он действительно добряк, простая натура, в ней не таится никаких угроз, знаешь ли. Но он не буржуа, он солдат.

⁴ — Ты хочешь сказать: натура совершенно твердая, уверенная в себе? Но ведь он серьезно болен, твой бедный кузен.

⁵ — Может быть, когда показывал свои картины.

⁶ — То есть когда писал твой портрет?

⁷ — Почему бы и нет. А как, по-твоему, портрет удачен?

⁸ — Ну да, исключительно. Беренс очень точно воспроизвел твою кожу, в самом деле очень правдиво. Как бы мне хотелось быть портретистом, как он, чтобы тоже иметь основания исследовать твою кожу.

⁹ — Говорите, пожалуйста, по-немецки!

— Il vient de te lancer quelques paroles ¹.

— Eh bien, c'est un grand parleur sans doute, il aime même beaucoup à réciter de beaux vers, — mais est-ce un poète, cet homme-là? ²

— Je regrette sincèrement de n'avoir jamais eu le plaisir de faire la connaissance de ce chevalier ³.

— Je le crois bien ⁴.

— Ah! Tu le crois ⁵.

— Comment? C'était une phrase tout à fait indifférente, ce que j'ai dit là. Moi, tu le remarques bien, je ne parle guère le français. Pourtant, avec toi je préfère cette langue à la mienne, car pour moi, parler français, c'est parler sans parler, en quelque manière, — sans responsabilité, ou comme nous parlons en rêve. Tu comprends? ⁶

— A peu près ⁷.

— Ça suffit... Parler, — продолжал Ганс Касторп, — pauvre affaire! Dans l'éternité, on ne parle point. Dans l'éternité, tu sais, on fait comme en dessinant un petit cochon: on penche la tête en arrière et on ferme les yeux ⁸.

— Pas mal, ça! Tu es chez toi dans l'éternité, sans

¹ — Он только что бросил тебе несколько слов.

² — Что ж, он, конечно, великий говорун, и даже очень любит декламировать возвышенные стихи, но разве этот человек — поэт?

³ — Искренне сожалею, что не имела удовольствия познакомиться с этим рыцарем.

⁴ — Охотно допускаю.

⁵ — А, ты допускаешь!

⁶ — Что? Да ведь я это просто так сказал. Я, как ты, вероятно, заметила, почти не говорю по-французски. Но с тобою я все-таки предпочитаю этот язык родному, оттого что для меня говорить по-французски значит в каком-то смысле говорить не говоря, — то есть ни за что не отвечая, как мы говорим во сне. Понимаешь?

⁷ — Более или менее.

⁸ — Этого достаточно... Говорить, — продолжал Ганс Касторп, — бесполезное занятие! В вечности не разговаривают. В вечности ведут себя так же, как когда рисуют свинку: откидывают голову и закрывают глаза.

aucun doute, tu la connais à fond. Il faut avouer que tu es un petit rêveur assez curieux¹.

— Et puis, — сказал Ганс Касторп, — si je t'avais parlé plus tôt, il m'aurait fallu te dire «vous»².

— Eh bien, est-ce que tu as l'intention de me tutoyer pour toujours?³

— Mais oui. Je t'ai tutoyée de tout temps et je te tutoierai éternellement⁴.

— C'est un peu fort, par exemple. En tout cas tu n'auras pas trop longtemps l'occasion de me dire «tu». Je vais partir⁵.

Он не сразу понял. Потом весь задрожал, растерянно озираясь, словно внезапно пробужденный от сна. Их беседа протекала довольно медленно, так как Ганс Касторп произносил французские слова запинаясь и словно колеблясь. Звуки пианино, на время умолкшие, раздались снова, теперь заиграл мангеймец, он поставил перед собою ноты и сменил юношу славянина. Рядом с ним села фрейлейн Энгельгарт и стала перевертывать ему страницы. Толпа танцующих поредела. Видимо, многие пациенты заняли горизонтальное положение. Впереди никто уже не сидел. В читальне занялись картами.

— Что ты сказала? — спросил упавшим голосом Ганс Касторп.

— Я уезжаю, — повторила она улыбаясь и, видимо, удивленная, что он вдруг точно оцепенел.

— Не может быть, — проговорил он. — Это шутка.

— Вовсе нет. Совершенно серьезно. Я действительно уезжаю.

— Когда?

¹ — Недурно сказано! Ну, конечно, ты в вечности как дома, ты знаешь ее до дна. А ведь ты довольно занятный молодой мечтатель, надо признать.

² — И потом, — сказал Ганс Касторп, — заговори я с тобой раньше, мне пришлось бы называть тебя на «вы».

³ — А что же, ты намерен всегда называть меня на «ты»?

⁴ — Ну да. Я всегда говорил тебе «ты» и буду говорить вечно.

⁵ — Пожалуй, это уже лишнее. Во всяком случае, тебе недолго придется говорить мне «ты». Я уезжаю.

qui nous fait tirer le chapeau et marcher sur la pointe des pieds... Or, de même, le corps, lui aussi, et l'amour du corps, sont une affaire indécente et fâcheuse, et le corps rougit et pâlit à sa surface par frayeur et honte de lui-même. Mais aussi il est une grande gloire adorable, image miraculeuse de la vie organique, sainte merveille de la forme et de la beauté, et l'amour pour lui, pour le corps humain, c'est de même un intérêt extrêmement humanitaire et une puissance plus éducative que toute la pédagogie du monde!.. Oh, enchantante beauté organique qui ne se compose ni de teinture à l'huile ni de pierre, mais de matière vivante et corrompible, pleine du secret fébrile de la vie et de la pourriture! Regarde la symétrie merveilleuse de l'édifice humain, les épaules et les hanches et les mamelons fleurissants de part et d'autre sur la poitrine, et les côtes arrangées par paires, et le nombril au milieu dans la mollesse du ventre, et le sexe obscur entre les cuisses! Regarde les omoplates se remuer sous la peau soyeuse du dos, et l'échine qui descend vers la luxuriance double et fraîche des fesses, et les grandes branches des vases et des nerfs qui passent du tronc aux rameaux par les aisselles, et comme la structure des bras correspond à celle des jambes. Oh, les douces régions de la jointure intérieure du coude et du jarret avec leur abondance de délicatesses organiques sous leurs coussins de chair! Quelle fête immense de les caresser ces endroits délicieux du corps humain! Fête à mourir sans plainte après! Oui, mon dieu, laisse-moi sentir l'odeur de la peau de ta rotule, sous laquelle l'ingénieuse capsule articulaire secrète son huile glissante! Laisse-moi toucher dévotement de ma bouche l'Arteria femoralis qui bat au front de ta cuisse et qui se divise plus bas en les deux artères du tibia! Laisse-moi ressentir l'exhalation de tes pores et tâter ton duvet, image humaine d'eau et d'albumine, destinée pour l'anatomie du tombeau, et laisse-moi périr, mes lèvres aux tiennes!¹

¹ — О, любовь, ты знаешь... тело, любовь, смерть — они одно. Ибо тело — это болезнь и сладострастие, и оно приводит к смерти, оба они — чувственны, смерть и любовь, вот в чем